

Христианский неоплатонизм как парадигма византийской цивилизации

А. Н. Домановский

Обзор книги: Черноморец Ю. П. Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопажита до Геннадія Схоларія. – К.: Дух і Літера, 2010. – 568 с.¹

При перечислении традиционной триады основ формирования византийской цивилизации – римская государственность, древнегреческая культура и ортодоксальное христианство – в обобщающих трудах по истории византийской цивилизации нечасто уделяется внимание продуктивному симбиозу и механизмам взаимодействия этих трех начал между собой. Между тем, по справедливому определению К. В. Хвостовой, «цивилизация – это не столько набор ведущих признаков-параметров, сколько совокупность функциональных связей между этими параметрами. Такие связи, лежащие в основе высших ценностей, институтов, ведущих мировоззренческих доктрин, создают нравственные установки общества, определяют его самосознание, общественно-правовые традиции, т.е. формируют факторы цивилизации» [5, с. 32; см. также: 4, 6-11]. И если взаимодействию государства и Церкви удалось стать предметом специального и пристального внимания в исторических исследованиях (наиболее свежими примерами в русскоязычном научном пространстве могут служить книги Б. А. Успенского, Л. А. Андреевой, Ж. Дагрона [1-3]), то влияние древнегреческой философии на христианство оставалось предметом изучения богословов и теософов, исследовательские позиции, практики и выводы которых зачастую были предопределены их религиозными воззрениями. В отечественной науке ситуация осложнялась также вынужденной внешней и внутренней эмиграцией теологической науки, что далеко не самым лучшим образом сказывалось если не на научном качестве и значимости исследований, то на возможности включения их результатов в более широкий контекст изучения византийской цивилизации – несомненно.

Вследствие этого возрождение на современном научном уровне отечественной теологии должно всячески приветствоваться, тем

¹ Ссылки на рецензируемое издание даются в тексте в круглых скобках.

более, если оно проявляется в появлении таких значимых трудов, как рассматриваемая книга Ю. П. Черноморца «Византийский неоплатонизм от Дионисия Ареопажита до Геннадия Схоларія». Монография воссоздает целостную картину византийского этапа развития православной теологии на основе изучения господствующего направления богословской мысли – христианского неоплатонизма.

В первом разделе «Византийский неоплатонизм как предмет религиозно-философского и историко-философского исследования» (с. 9-74) автор рассматривает состояние научного изучения проблемы, характеризует его источниковую базу и принципы исследования. Ю. П. Черноморец подчеркивает отсутствие комплексных религиозно-философских и историко-философских трудов по истории византийского неоплатонизма, который выводился за пределы предметного поля научных трудов как вследствие желания изучать «чистую философию» без теологических элементов (как у В. Татакиса, Г. Подскальски, Л. Бенакиса), так и из-за предвзятых интерпретаций византийской философии сквозь призму собственного понимания «правильной православной философии» (Ф. Шеррард, Н. Матзука, В. Лурье). Труд С. Герша «От Ямвлиха к Эрриугене. Исследования предистории и эволюции Псевдо-Дионисиевой традиции» (Лейден, 1978) Ю. П. Черноморец называет неудачной попыткой «исследования трансформации античного неоплатонизма в средневековье» (с. 33), поскольку С. Герш «упрощает теории неоплатоников до мертвых схем там, где они были более сложными, чем требовало его исследование, и находит сложные различия там, где их не было», приписывает, вследствие конфессиональной предвзятости «афинскому и христианскому неоплатонизму идеи классической томистической метафизики, отыскивая у неоплатоников корни теорий Аквината о казуальности, потенции и акте, сущности и бытии» (с. 35).

Второй раздел «Формирование византийского неоплатонизма в сочинениях Иоанна Филопона (Дионисия Ареопажита)» (с. 75-202) посвящен анализу становления неоплатонизма в трудах первого византийского неоплатоника, автора многочисленных текстов. Ю. П. Черноморец анализирует труды Иоанна Филопона в соответствии с хронологией их написания, отмечая, что концепции неоплатонической философии этого мыслителя формируются уже в его комментариях трудов Аристотеля, написанных в 510-е гг. В них Филопон обосновывает учение о самостоятельном существовании

созданного на основании теории деятельности, согласно которой действующий передает энергию движения объекту, на который воздействует. Созданному Богом человеку присущ импульс природного стремления к Богу как к Цели всего, но у него есть возможность выбора по собственному желанию – следовать ли по этому пути, либо же отклониться от него (с. 83).

В полной мере философия византийского неоплатонизма была сформирована в «Ареопагитиках», которые Ю. П. Черноморец рассматривает в подразделах 2.2 – 2.4 (с. 83-149), последовательно анализируя их философско-теологическую пропедевтику, философскую теологию и практическую философию. В итоге философская теология сводится Иоанном Филопоном к последовательному обоснованию радикального агностицизма, поскольку относительно Бога невозможно какое-либо познание – философское, теологическое, религиозное, мистическое. «А о чем невозможно знать, о том нужно не знать» (с. 139).

В параграфе 2.5-2.6. Ю. П. Черноморец анализирует применение ареопагитизма для критики учений Прокла и Аристотеля о вечности мира, а также трудов философов антиохийской школы. Опровергая Прокла, Филопон-Дионисий доказывает, что Причиной мира есть Бог, Творец, акт Творения которого не лишает его способности «быть творцом». Аристотель критикуется за его учение о невидимости и неизменности эфира, который, в таком случае, просто не может быть материальным, а также за теорию вечности мира.

В третьем разделе «Философия бытия Максима Исповедника – кульминация развития византийского неоплатонизма» (с. 203-304) исследована философско-теологическая система Максима Исповедника как наиболее развитая форма выражения ортодоксии в византийском неоплатонизме. Анализируется учение Максима Исповедника о Боге, Его свойствах и деяниях. Мыслитель доказывает единение простоты Бога с разветвленной структурой «различий без разделений», а Его творческие действия, принадлежащие сущности Бога, осуществляются соответственно Разумом, который начинает действие, Логосом, который действует, и Жизнью, которая завершает действие.

На основании эманационной триады космологии Прокла Максим Исповедник создает собственную метафизическую антропологию, добавляя к ней четвертый элемент: «пребывание» (бытие идей-логосов) – «исход» (акт Сотворения мира) – «возвращение» (совершенствование сотворенного в сторону совершенства) – «новое

пребывание» (достижение совершенства и сверхъестественное единение с Первопричиной). При этом третий этап – «возвращение» – является моментом выявления свободы воли сотворенного (вспомним отмеченное Ю. П. Черноморцем утверждение Иоанна Филопона о том, что «имеет собственное природное стремление к Богу как к цели всего, однако может по собственной воле осуществлять это стремление или уклоняться от него» (с. 83)). В итоге, «возвращение является не проявлением стремления божественного к самому Себе, к своей полноте в бытии, но именно движением другого к собственному совершенству» (с. 266), при этом «именно от человечества обожение может распространиться на мир» (с. 266).

Наконец, рассматривая сущность человека, Максим описывает его как иерархию пяти ступеней, воплощаемых на уровне ощущений: разума (зрение), рассудка (слух), аффективности (нюх), желания (вкус) и тела (прикосновение). Человеческое начало в антропологии мыслителя не является сугубо разумным и созерцательным, оно также рассудочное, волевое, страстное и телесное. Богообразие присуще всем людям, богоподобие же достигается вследствие их деятельности, являющейся проявлением свободы воли.

В четвертом разделе «Византийский неоплатонический эссенциализм конца VII – начала XIV веков» (с. 305-359) речь идет о возникновении и развитии в Византии неоплатонизма схоластического типа. Его создателем является Анастасий Синаит, а сам византийский эссенциализм отличается от латинской схоластики утверждением о невозможности познания Бога-Сущности. В параграфе 4.2 (с. 313-336) проанализирован эссенциализм Иоанна Дамаскина, учение которого о сущности, индивиде, сущностных и индивидуальных свойствах стало нормативным в VIII-XIII вв.: «Главным заданием философской теологии в эпоху византийского эссенциализма становится изложение ортодоксального учения о Боге соответственно с той системой логических категорий, которая признавалась византийскими эссенциалистами как нормативная для общей рациональности. Второстепенной задачей для философской теологии становится формирование таких антропологических и космологических учений, которые были бы когерентными относительно теологии и по содержанию, по логико-категориальной форме» (с. 335-336).

В следующем параграфе 4.3 (с. 336-348) рассматриваются кризисы византийского эссенциализма – дискуссии об иконах

и мистическая теология Симеона Нового Богослова. Наконец, в последнем параграфе четвертой главы – 4.4 (с. 348-359) – рассмотрено длительное господство неоплатонического эссенциализма в системе византийского высшего образования IX–XIII вв., связанное с практикой церковного осуждения как за теологические, так и за антропологические и космологические взгляды. Византийская схоластическая философия этого времени свелась к продуцированию перифраз наиболее схоластических трудов античных неоплатоников.

В последний, пятый разделе (с. 360-412) рассмотрены три этапа эволюции паламизма как особой формы византийского неоплатонизма: 1) Неоареопагитизм Григория Паламы (5.1 (с. 360-379)); 2) Христианское проклианство Каллиста Ангеликуда (5.2 (с. 379-395)); 3) Паламистская схоластика (5.3 (с. 295-412)). Эти этапы, как убедительно демонстрирует Ю. П. Черноморец, соответствуют трем рассмотренным ранее стадиям развития классического византийского неоплатонизма. Исследователь доказывает, что появление нового вида византийского неоплатонизма было вызвано потребностями апологии ортодоксии в богословских дискуссиях XIV в. и появлением у неоплатоников конкурентов – византийских платоников. С целью критики платонизма и католической теологии Григорий Палама создает антиметафизическую теологическую систему, которую можно сравнивать с антиметафизикой Ареопагитик.

Следующим вызовом для византийского неоплатонизма стал византийский томизм. Ответом на него стал труд Каллиста Ангеликуда «Против Фомы», в котором критикуется «Сумма против язычников» Фомы Аквинского, и трактат «О божественном единении», где под влиянием Максима Исповедника развиваются идеи Прокла. В последнем параграфе 5.3 «Кризис философской теологии паламизма и формирование поздневизантийского христианского аристотелизма» (с. 395-412) проанализированы попытки преодолеть внутреннюю противоречивость паламизма как разновидности неоплатонизма путем придания ему формы схоластического учения по правилам силлогистики, что приводило к отказу от неоплатонических концепций и переходу к христианскому аристотелизму (Феофан Никейский, Марк Эфесский); признание возможности познания сущности Бога в таинстве евхаристии (Николай Кавасила, Геннадий Схоларий), что подрывало основной постулат неоплатонизма о принципиальной непознаваемости Божественной сущности. Геннадий Схоларий вообще предлагал

возможность совмещать паламизм и томизм в рамках эссенциализма Иоанна Дамаскина.

В выводах (с. 413-428) поведены итоги исследования византийского неоплатонизма как целостной философской традиции, эволюцию которой можно представить следующим образом:

I. Первый круг эволюции:

1. Антиметафизическая философия сверхбытия Иоанна Филопона (отождествлен с Псевдо-Дионисием и, соответственно, является автором Ареопагитик).

2. Философия бытия Максима Исповедника.

3. Философия бытия византийских эссенциалистов VII – начала XIV вв. (Анастасий Синаит, Иоанн Дамаскин, Фотий, Арефа, Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид и др.)

II. Паламизм как второй круг эволюции неоплатонизма (вторая половина XIV – XV вв.):

1. Антиметафизический неоареопагитизм Григория Паламы.

2. Христианское проклианство Григория Ангеликуда.

3. Паламистская схоластика (Феофан Никейский, Николай Кавасила, Марк Эфесский, Геннадий Схоларий)

В целом книга Ю. П. Черноморца является вкладом в изучение не только византийского неоплатонизма, но – шире – ортодоксальной византийской христианской теологии как важнейшего фактора становления, развития, сохранения и трансляции во времени базовых парадигм византийской цивилизации. В этом своем амплуа она, вне всякого сомнения, займет достойное место в библиотеке византинистов-историков. Для современных же украинских византинистов-теологов она вполне способна стать настольной.

Примечания

1. Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: Латинский Запад и православный Восток / Л. А. Андреева. – М., 2007.
2. Дагрон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме» / Ж. Дагрон. – СПб., 2010.
3. Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М., 1998.
4. Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации / К. В. Хвостова // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). – М., 2000.

5. *Хвостова К. В.* Византийская цивилизация / К. В. Хвостова // Вопросы истории. – 1995. – № 9.
6. *Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова // Исследовано в России. Investigated in Russia. Электронный научный журнал. Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2007/158.pdf/>. Доступ: 1. 09. 2012.
7. *Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова // Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика Сергея Леонидовича Тихвинского. – М., 2008.
8. *Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма / К. В. Хвостова. – СПб., 2009.
9. *Хвостова К. В.* Общие особенности византийской цивилизации / К. В. Хвостова // Исследовано в России. Investigated in Russia. Электронный научный журнал. Режим доступа: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/1998/006.pdf/>. Доступ: 1. 09. 2012
10. *Хвостова К. В.* Особенности византийской цивилизации / К. В. Хвостова. – М., 2005.
11. *Хвостова К. В.* Способы функционирования византийской цивилизации во времени / К. В. Хвостова // Цивилизации.– М., 1995. – Вып. 3.

Рецензія

(на кн. : Коник О. О. Депутати Державної думи Російської імперії від губерній Наддніпрянської України (1906–1917 рр.) : монографія / О. О. Коник; наук. ред. С. І. Світленко. – Дніпропетровськ : Герда, 2013. – 454 с.)

Сичова В. В.

Монографія О. О. Коника, яка присвячена думським депутатам від губерній Наддніпрянської України (1906–1917 рр.) як репрезентантам основних інтересів і базових цінностей різних верств українського соціуму пізньоімперської Росії, є безсумнівно актуальною як з політичної, так і з наукової точки зору.

На відміну від пострадянських російських і українських наукових досліджень (Д. В. Аронова, О. І. Білокін, Ю. Д. Древалю, В. С. Журавського, М. Ш. Киян, І. К. Кір'янова, В. А. Козбаненка,

В. І. Милька, С. І. Посохова, О. П. Реєнта, Н. Б. Селунської, В. В. Сичової, А. Ф. Смирнова, Н. Б. Хайлової, В. Чурбанова, В. М. Шевіріна, О. Н. Ярмиша й інш.), що висвітлюють діяльність депутатів Державної думи Російської імперії від українських губерній, монографія О. О. Коника є першою комплексною роботою, у якій проаналізовано соціокультурний контекст парламентського процесу. Виконане в рамках теорії модернізації, зазначене дослідження презентує новий варіант соціально-політичної історії, який, олюднуючи політико-культурний процес, сприяє дефрагментації історичного знання, усвідомленню особливостей формування української соціокультурної та політичної ідентичності.

Книга про депутатів Державної думи Російської імперії від губерній Наддніпрянської України (1906–1917 рр.) складається з передмови, п'яти розділів, післямови, двох додатків (загального списку і основних характеристик складу, політичної діяльності депутатів від українських губерній; зведених таблиць з чисельним складом депутації від українських губерній за станами, губерніями та каденцією), переліку 36 таблиць, іменного покажчику. Ґрунтовна методологія дослідження: застосування методів соціального конструктивізму, просопографії, контент-аналізу, дискурс-аналізу, семіотичного аналізу (зокрема, портретів депутатів), мережевого підходу до комунікативних практик інтелігенції, – дає підстави характеризувати роботу як міждисциплінарну, що урізноманітнює концептуальні методологічні основи для поглиблених наукових розробок історії вищих представницьких органів Російської імперії.

Використання широкої джерельної бази дослідження (законодавчих актів, діловодної документації, статистично-довідкових матеріалів, періодичної преси, документів особового походження), а також матеріалів 55-ти фондів із 9 архівів України та Російської Федерації дозволило авторові здійснити вражаючий за своїм обсягом аналіз кількісного та якісного виміру діяльності депутатів Державної думи Російської імперії від українських губерній, їхніх соціальних, політичних, професійних, персональних преференцій і характеристик.

На особливий інтерес заслуговують статистичний аналіз результатів виборчих перегонів (с. 106), освітнього рівня депутатів (с. 117), чисельні характеристики національного, віросповідного, соціального складу депутації від українських губерній (дод. А; с. 120, 121, 131), а також компаративний аналіз депутатського корпусу Державної думи 1906–1917 рр. (с. 123–133). В результаті